

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII века

М.: 1988

Редакционная коллегия: д.и.н. Г.С.Кучеренко
(ответственный редактор), к.и.н. К.М.Андерсон
(ответственный редактор), к.и.н. Г.С.Черткова, С.Я.Карп,
А.В.Чудинов.

Рецензенты: к.и.н. М.И.Ковальская, к.и.н. Л.А.Пименова.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

Текст здесь:

Кузьмичева Е.К. Фейхоо-и-Монтенегро и становление
исторической мысли испанского Просвещения

Лебедева Е.И. Революция в зеркале просвещенного
сознания (исследование литературной
корреспонденции Блен де Сенмора)

Текст здесь: <http://www.annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Lebedeva.doc>

Карп С.Я. Бриссо и Гельвеций

Плавинская Н.Ю. Представления Монтескье
о республике и их оценка в жирондистской прессе

Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики
периода якобинской диктатуры

(О некоторых особенностях газеты Ж.Р.Эбера "Пер Дюшен")

Текст здесь: http://vive-liberta.narod.ru/journal/rostisl_hebert.pdf

Кузнецов И.Н. Гердер о Великой французской революции

Петунова А.И. Джозеф Пристли и революционная Франция

Чудинов А.В. Развитие взглядов Дж.Макинтоша
на французскую революцию в 90-е годы XVIII в.

См. текст автореферата авторана соискание ученой степени
доктора исторических наук: <http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>

Улуян А.А. Роль идейного наследия французской

и американской революций XVIII в. в становлении
общественно-политических взглядов А.Кораиса

Темкин В.А. Идеи Просвещения в творчестве Пи-и-Маргалья

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2 вандемьера ССXI года
Ссылки на тематически связанные материалы даны нами после текста статьи

Многие немецкие просветители были современниками Великой французской буржуазной революции. Мы проследим развитие взглядов Иоганна Готфрида Гердера на это выдающееся событие.

В конце XIX в. известный биограф Гердера Р.Гайм старался, по возможности, удалить своего "героя" от актуальных политических проблем ХУШ в. По Гайму, Гердер "...соединял с услужливостью придворного человека какой-то неопределенный радикализм, заставлявший его крайне резко с глазу на глаз отзываться о дворянстве...". В целом, считал Гайм, "...от такого человека, рассудок которого... часто подчинялся влиянию чувств и который привык постоянно переносить из действительной жизни в сферу отвлеченных идей, нельзя было ожидать здорового и практического суждения" о революции¹. Близкой точки зрения придерживались литературоведы Е.Кюнеманн² и Б.фон Визе³.

В исследовании английского историка Д.И.Гуча подчеркнута, напротив; большая роль французской революции в формировании гердеровской идеи гуманности, под которой понимается не только человеколюбие, но и неустанное стремление к такому положению дел, когда наилучшим образом сочетались бы индивидуальные способности и общественная ответственность людей⁴. Один из новейших биографов Гердера Р.Т.Кларк отмечал, что именно веймарский пастор, стоявший, казалось бы, в стороне от политики, дал превосходное описание событий во Франции⁵.

В историографии немецкого Просвещения утвердилось мнение, что Гердер "восторженно приветствовал" французскую революцию, но после 1792 г. постепенно утратил сочувствие к ней⁶.

Советский философ А.В.Гулыга писал, что Гердер "...не достиг ни теоретического радикализма своего друга Августа Айнзиделя, ни тем более революционной практики Георга Форстера, возглавившего Майнцскую коммуну. В своих симпатиях

к французской революции он пошел лишь немногим дальше Канта⁷. А.В.Гулыга подчеркивал значение казни Людовика XVI для Гердера, перемены отношения к революции после 21 января 1793 г. Литературовед В.М.Жирмундский выделял, наоборот, постоянство взглядов Гердера вопреки тому, что не имело большинство современников: "Дальнейшее углубление французской революции не заставило Гердера, в отличие от многих других идеологов немецкого буржуазного общества того времени, усомниться в правоте ее конечных целей..."⁸.

Английский историк Ф.М.Барнард в фундаментальном исследовании мировоззрения Гердера приходит к следующим выводам: задавшись вопросом, является ли общественное развитие прямым результатом воздействия независимых природных (божественных) сил, или, хотя бы в известной мере, - итогом человеческих стремлений, Гердер затронул круг проблем, волновавших многих мыслителей XVIII в., и, подобно им, не сумел дать удовлетворительного для всех ответа. Однако он установил два принципа, повлиявших на позднейшие политические теории. Первый из них - вера в большую гармонию между обеими сферами природы (физических сил и человеческих желаний), которой можно достичь, если устранить несовершенства органов управления; второй - само это улучшение должно быть эволюционным процессом⁹.

Отношение Гердера к французской революции подробно изучается историками ГДР Х.Штольпе¹⁰ и Г.Арнольдом. Оба констатируют, что революция была для Гердера центральным событием европейской истории XVIII в., которое он положительно оценивал. Х.Штольпе подчеркивает изменение точки зрения Гердера в 1793 г., хотя революция, по его мнению, осталась главным побудительным мотивом при выработке понятия "демократический патриотизм", ставшего итогом размышлений Гердера над опытом политических преобразований во Франции.

Г.Арнольд рассматривает, помимо прочих источников, переписку Гердера и, не настаивая на первоначальном значении 1793 г., привлекает внимание читателей к более поздним отзывам, находя в них противоречивые, но преимущественно благоприятные суждения о французской революции. Вершиной раз-

думий Гердера над проблемой "революция и эволюция в истории" Г.Арнольд считает мысли, высказанные в трактате "Еще один опыт философии истории для образования человечества" (1774 г.) и в "Идеях к философии истории человечества" (1784-1788 гг.), где приблизительно очерчены контуры гипотезы диалектического "скачка"¹². Впоследствии, отмечает Г.Арнольд, Гердер, по-видимому, отдавал предпочтение эволюционному пути развития общества перед революционным. Х.Штольпе и Г.Арнольд заметно расширили круг источников: первый - полной публикацией "Писем для поощрения гуманности"¹³, второй - изданием всей корреспонденции Гердера (совместно с В.Доббеком)¹⁴.

Интересный подход, позволяющий лучше уяснить отношение Гердера к французской революции, предложил историк немецкого яacobинизма Г.Шеель: сравнение точки зрения Гердера с мнениями Г.Форстера и Ф.Шиллера¹⁵. Гердер не принял якобинский террор 1793 г., пишет Г.Шеель, ибо "ему хватало классового опыта, который давала лишь Франция и, в ограниченной степени, Майнцкая республика - без него даже Форстер остался бы не более чем просветителем"¹⁶. И все же, отмечает Г.Шеель, Гердер был ближе Форстеру, а не Шиллеру, надевавшемуся еще в конце 1792 г. на революцию "сверху" и защищавшему Людовика XVI.¹⁷

Два вопроса по-прежнему неясны: можно ли за внешней ротивоположностью одновременных оценок Гердера увидеть его истинное отношение к французской революции и какое значение имел 1793 г. для изменения взглядов Гердера на революцию? Авторы, считающие, что в 1792 г. или 1793 г. Гердер отвернулся от революции", основываются в первую очередь на негативных оценках последующих лет и на том, что он в 1793 г. отказался от публикации начального варианта "Писем для поощрения гуманности", в котором можно усмотреть "восваление" французских событий. Однако, даже убедившись, что взгляды Гердера на революцию изменились, мы ничуть не приблизились к пониманию того, какими они были изначально. Дело в том, что, по всей вероятности, некоторые свидетельства

Гердера, относящиеся к первым годам революции, были уже в XIX в. уничтожены его вдовой и слишком осторожным другом И.Г.Мюллером, издававшим собрание сочинений Гердера. Сохранившиеся же отрывки этого периода оставались несколько в тени.

Мы хронологически проследим развитие взглядов Гердера на Великую французскую революцию, опираясь на его корреспонденцию, небольшую статью "Тифон и Аврора" (1792 г.) и "Письма для поощрения гуманности" (1793-1797 гг.)

В примечании к статье "Тифон и Аврора" Гердер писал, что она является "результатом многообразного чтения и наблюдения, и если... прибавлять к каждому предложению исторические примеры, статья" легко превратилась бы в книгу. Иными словами, он подчеркивал итоговое значение данного сочинения, следствия долгих размышлений о судьбе Европы, "дряхлеющей", подобно сыну троянского царя Лаомедонта Тифону, получившему от своей супруги Эос (Аврора) вечную жизнь, но утратившему молодость.

"Письма для поощрения гуманности" были продолжением "Идей к философии истории человечества", незаконченного основного произведения Гердера, в котором он собирался рассказать и о новейших событиях. Особенно интересен неопубликованный при его жизни исходный вариант первого сочинения, носивший название "Письма, касающиеся прогресса гуманности". Это один из тех редких случаев, когда Гердер открыто обращался к политической тематике - обычно он предпочитал говорить о повседневности языком прошлого, историческими примерами, сопоставлениями и выдержками из книг старых и новых философов.

В силу своего служебного положения - генеральный суперинтендент и вице-президент княжеской оберконсистерии Веймара - Гердер должен был проявлять сдержанность в оценках, да и сведения о событиях во Франции, проникавшие за Рейн, не отличались достоверностью. Публицист, а впоследствии консервативный государственный деятель Ф.Гентц¹⁹ замечал: "...известия, которые мы получаем из Франции, не содержат почти ничего, кроме глупостей и путаницы..., большую

часть французских новостей Германия слышит от людей, не благоволящих революции; едва ли не все, кто приносит нам эти новости, вынуждены из страха перед своим начальством скрывать истинно великое и прекрасное..."²⁰. Гердер черпал сведения о революции из других источников: писем близких знакомых (К.Л.Кнебеля, Ф.Г.Якоби, И.Г.Мюллера), сообщения очевидцев и участников военных кампаний (например, И.В.Гете) и французской прессы.

Подробный отчет о происшедшем 12-10 июля 1789 г. в Париже Гердеру прислал его революционно настроенный друг К.Л.Кнебель²¹ (письмо впервые опубликовал Г.Арнольд). Одно из немногих хранившихся свидетельств самого Гердера этих лет - такие строки о празднике Федерации 1790 г.:

"Вокруг большого алтаря мы видим французов, возвысившихся
До братства и человеколюбия Божественный, священный праздник!

Как Иегова говорил с народом? В громе и молниях?
Он снисходил умиротворенный. Эта святая купель -
Избавление от всех бед и крещение для новой жизни.
Четырнадцатое Июля, о тебе еще услышат наши потомки!"²²

Приподнятое душевное состояние Гердера, исполненное ожиданий, не было секретом при веймарском дворе. Герцогиня Луиза писала Шарlotte фон Штейн 14 сентября 1790 г. о "странной" проповеди Гердера: "Он заявил, что на свете вообще-то должно быть различие между сословиями, однако никому не следует завидовать из-за его высокого положения, ибо люди такого ранга рождены с целым рядом предрассудков, от которых можно избавиться лишь с большим трудом... Вы видите, что он остается верен своим дурным привычкам"²³. А 20 сентября Гердер писал Кнебелю, что герцогиня Луиза "настроена против Франции" и что ему придется впредь "молчать и не грешить своим языком"²⁴. Он вынужден был даже, по желанию герцога, предписать веймарским пасторам отвлекать народ от революционных известий и незаметно противодействовать

новым веяниям, проникавшим в Германию»²⁵. О духовной атмосфере, царившей в это время среди знаковых Гердера, позволяет судить и письмо Шарлотты фон Штейн герцогине Луизе, в котором говорится, что Гердер, Кнессель и Виланд часто живо дискутировали о политике и однажды при ее появлении буквально кричали в волнении»²⁶.

8 ноября 1790 г. Гердер писал графине Ф.Л.Штольберг: «Наши мысли о французской революции, видимо, схожи. Кажется, она вызывает Ваше сочувствие... В хорошем и плохом она дает огромные возможности для извлечения полезных уроков. Но сейчас я почти разочарован: так много они задумали, обсудили, решили и так мало сделали. Мне еще любопытны французские проекты национального воспитания; но я откладываю их в сторону и спокойно жду того времени, когда все, наконец, устроится наилучшим образом. Как бы, однако, война не разорвала всю эту паутину: если упорядочено столь немногое, большая часть остается все же паутиной. Мне всегда было нелегко судить об отношении Франции к другим европейским державам и к насущным потребностям нашего времени. Как бы из-за существующих острых углов не провалилось все дело. Оно, к сожалению, еще не стало оплотом для решительного обновления порядка вещей. Слишком уж глубоко и широко пришлось перепахать французам, чтобы тут же получилась плодородная почва. Впрочем, что нам до Франции!.. Мы действительно чересчур далеко выходим за пределы собственной страны. — Между тем, события развиваются очень остро. До 1800 года мы еще кое-что увидим»²⁷.

Сомнения в пригодности революционного пути для Германии беспокоили Гердера и в 1791—1792 гг. Начало 1792 г. было временем напряженных раздумий, сравнений французской и германской истории, отзвуком которых стали следующие слова в письме И.Г.Миллеру 4 апреля: "...странно, как долго зреет у нас революция. И ничто в немецкой истории пока не доказывает, что наше прошлое от этого оказалось лучше или просто было хорошим..."²⁸.

Надо полагать, подобные размышления легли в основу

статьи "Тифон и Аврора". Речь в ней идет о возможностях обновления старого, внутренних силах, способствующих такому возрождению, и превратностях судьбы, которая зачастую наделяет успехом недостойного и отнимает счастье у трудолюбивого»²⁹. Италия, пишет понывавший (1788—1769 гг.) в этой стране Гердер, является "самым поучительным зрелищем" для наблюдения разнообразных древностей. Там легко проследить историю ялчества и становление христианства, складывание государственных учреждений и общественных институтов. Словом, Италия — идеальное место для занятия историей. "по доволно, — обрывает свой рассказ Гердер, — покоя и умирания! Лучше поговорим о бодрствовании и омоложении! Как они достигаются? Через революции?"³⁰. Отнюдь. Ни одно из понятий, неправильно употребляемых в "новейшем модном языке", заявляет Гердер, не было ему столь неприятно, как "революция", ибо оно совершенно утратило исходное содержание и "влечет за собой вредную путаницу мыслей"³¹. Востроумии революциями считают периодические процессы, образующие во взаимодействии друг с другом "спокойный порядок". "Так обращается земля вокруг себя самой и производит день и ночь; в соответствии с ними она управляет сном и бодрствованием всего живого, временем его отдыха и делами... В таком понимании полезно говорить о революциях, ибо в них мы замечаем возвращающийся к самому себе ход вещей и законы постоянства. Ничто здесь не утрачено, не отброшено, все разумно..."³² Даже если мы понятие революции "опускаем с небес на землю, оно не может быть ничем иным, кроме обозначения спокойного развития, повторения известных явлений согласно их собственной природе... Так говорят о революциях искусств и наук..., так писали пифагорейцы о революциях человеческой души... Но как отвратительно изменилось значение этого слова в варварские столетия, когда не знали иных революций, кроме завоеваний, переворотов, угнетения и смут — без плана, цели, порядка"³³. Их устраивали разные проходимицы, "революциями именовалось превращение низших в высших, когда на основании, с позволения сказать, права войны какой-нибудь народ в той или иной

степени утрачивал свою собственность, законы, имущество... когда министры занимались делами, которые были не под силу князьям и когда народ время от времени принимался за то, что он редко исполнял так же удачно, как короли и министры"³⁴.

Гердер убежден, что после каждой из "так называемых революций", например, завоевания арабами Испании, в стране порядка становилось меньше, чем прежде, что они были проявлением "варварства, дерзкой силы, наглого произвола"³⁵. Чем больше "у людей будет разума и справедливости", тем реже должны происходить революции, пока не исчезнут совсем"³⁶.

В природе Гердер считает естественной не революцию, а эволюцию"³⁷. И в обществе мудрый правитель обязан предупреждать взрывы, делать их излишними, охранять ростки нового и прививать на крепкое еще дерево молодые побеги. Только в этом случае престарелый Тифон обретет долгожданную юность. Даже небольшое продвижение вперед по такому пути обеспечило, например, Англии огромные преимущества по сравнению с другими народами на долгое время. "После ряда насильственных революций, которые, как кровавые дожди", пронесли над Британскими островами, "именно мирной, спокойной революции" удалось создать новую жизнеспособную конституцию"³⁸. Гердер, как видим, был высокого мнения о "Славной революции" 1688 г. Он отмечал, что правительство не имеет другого средства противодействовать "страшным несчастьям, именуемым государственными переворотами, которые чужды естественным законам" общественного развития, кроме стремления способствовать оздоровлению всех частей государственного организма, охранять или восстанавливать "круговорот жизненных сил", и не бороться против природы вещей. Рано или поздно санзя мощная машина потерпит поражение в этой борьбе, "природа же не стареет никогда, она периодически воскресает"³⁹. Часто говорят, пишет Гердер, "чтобы одно осталось жить, другое должно умереть", не понимая, что может сохраниться и быть взаимно полезным и то, и другое"⁴⁰. Епископ Беркли, по его мнению, ошибался, полагая, что "пятый акт всемирной трагедии" разыгрывается в Новом све-

те. Нет, "в объятиях престарелого Тифона", т.е. в Европе, "дремлет новая Аврора". Не четыре, а лишь три акта прошли до сих пор на сцене Старого света, и никто не может сказать, сколько еще раз "Тифон человеческого рода" будет возрождаться к новой жизни на Земле"⁴¹.

Понятие революции Гердер и раньше употреблял, вслед за Вольтером, для обозначения крупных изменений в культуре, развитии государств и народов, например, Ренессанса и Реформации. В "Идеях к философии истории человечества" (1765 г.) он писал, что людям так же необходимы революции, как "волны потоку, чтобы он не превратился в стоячее болото"⁴². Лютеровская Реформация, когда был "переиначен, заново создан привычный мир", освежающе подействовала на Германию"⁴³.

Нельзя не согласиться с исследовательницей ГДР Р.Отто, писавшей, что Гердер последовательно не разделял области, в которых применимо понятие революции: природный процесс, преобразования в сфере духовной жизни и насильственные общественно-политический переворот"⁴⁴. Для него остался открытым вопрос, "доказала ли современная политическая революция правомочность и законосообразность аналогичных явлений в истории человечества"⁴⁵. Однако не вполне справедливым кажется мнение Г.Арнольда, относившего приведенные выше мысли Гердера о революциях к пустым теоретическим рассуждениям, никакого применения в Германии не заслуживающим и годным лишь как "общеευропейская абстрактная философско-историческая схема"⁴⁶. О чем еще и для чего еще мог писать "решительный демократ" (по Г.Шеллю) и "демократический патриот" (по Х.Штольпе) Гердер в статье, продиктованной повседневностью и затрагивающей насущные политические вопросы, если не об опыте французской революции и ее значении для Германии? Конечно, Гердер-теоретик не всегда пребывал в единодушном согласии с Гердером-"практиком" (насколько вообще возможно такое определение). Но это не означает двойственности, их не следует разрывать и противопоставлять: одной из главных целей Гердера было утверждение в литературе такого образа государственного деятеля, в котором сливались

бы теоретик и практик. Ведущую роль должен играть первый — не просто "философ на троне", но "аристодемократ" (неологизм Гердера. — И.К.). Изобретая это непривычное словосочетание, Гердер опирался на весь теоретический запас, накопленный им при изучении наследия европейских просветителей.

Итак, при всей сложности отношения Гердера к революциям в истории, статья "Тифон и Аврора" показывает, что можно говорить о целой гамме чувств, испытанных им, но наименее подходящим, видимо, будет симпатия — по крайней мере, уже в 1792 г. Статья была написана в те же месяцы, когда Гердер решил отказаться — хотя бы временно — от продолжения "Идей к философии истории человечества" (еще в 1798 г. его жена подыскивала приличного гравера для пятой части "Идей..."), и задумал "Письма для поощрения гуманности". 27 апреля 1792 г. Каролина Гердер писала книгоиздателю И.Ф. Лавитцкому — младшему: "Он (муж) намерен дать Вам книгу, которая будет пользоваться спросом. Она называется "Письма, касающиеся прогресса гуманности". Вы видите уже из заглавия, что она заинтересует все сословия..."⁴⁷. На деле книга была рассчитана отнюдь не на все слои — через год Гердер писал тестю Г.Форстера К.Г.Гейне, что "первые два сборника хорошо приняты как раз теми... для кого предназначались"⁴⁸, т.е. "просвещенными" литераторами.

Приведенное письмо Каролины убеждает, что между статьёй "Тифон и Аврора" и "Письмами для поощрения гуманности" не было заметного временного интервала. Следовательно, при рассмотрении "Писем..." необходимо учитывать мнения, высказанные в статье, тем более, что сам Гердер не раз отмечал — они написаны за несколько лет до издания⁴⁹.

Изложение в "Письмах..." ведется от имени нескольких человек, "миролюбиво обменивающихся своими воззрениями, в сущности, не заключающими в себе никакого разномислия"⁵⁰. В опущенном впоследствии предисловии читаем: "Эти друзья сообщают один другому свои соображения, за основательность которых не ручается их издатель. Ни одно из этих мнений не стоит принимать за закон или евангельское правило. Сами корреспонденты опровергают друг друга или стараются подыскать

более верные мысли. Тот, кто не разделяет чьей-либо точки зрения, может в дальнейшем найти суждения по своему вкусу."⁵¹

"Письма..." — не приветственный манифест революции, а раздумья и поиски, каждое слово которых принадлежит Гердеру, и в то же время, как он сам писал, его "нельзя подвергать ответственности ни за одно из высказанных мнений"⁵².

В "Письма, касающиеся прогресса гуманности" — неизданный вариант "Писем для поощрения гуманности" — вошло 24 фрагмента. Из них сохранилось 14, отсутствуют письма I-9 и 15. Оставшиеся подписаны семью "авторами" — А, Б, Д, Е, Л, М, П. Х. Штольпе склонен по меньшей мере за двумя из них видеть Гердера, выражающего собственные убеждения и сомнения — это темпераментные сторонники революции Д и М⁵³. Однако и те слова, что вложены в уста скептических наблюдателей (Л и Е), написаны самим Гердером не только в "маскировочных" целях,

В десятом письме автор (Б) определенно заявляет, что "дух времени" ("сумма мыслей, настроений, устремлений, побуждений и жизненных сил, которые проявляются в известном развитии событий с заданными причинами и результатами")⁵⁴ можно установить лишь применительно к французской революции: "Чтобы услышать дух времени, необходимо... спросить: какие настроения и принципы царят с некоторых пор в той части Европы, что именуют самой богатой идеями, наиболее деятельной, господствующей? Какие общие устремления и движения заметны в Европе, несмотря на различный характер народов? Когда и у кого они пробудились? Что предпринято? Что уже осуществлено?..."⁵⁵ Далее Гердер единственный раз в "Письмах..." касается вопроса о причинах революции. "Общественными событиями, которые положили основание Европе, были происходившие между пятым или тринадцатым столетиями поселения в этой части света диких или варварских народов, их политическая организация и так называемое обращение. На этих основаниях, с теми небольшими изменениями, которые принесли с собой последующие века, основывается современное устройство Европы: главенствующее положение чиновников и собственников, неодинаковые права и привилегии человеческих поколений. Вопрос, стало быть, за-

ключается в том, что думает нынешний век об этом приобретении, об этих привилегиях и правах...⁵⁶.

"Часть вопросов, — пишет Гердер, — то, что касается религии и церкви, сегодня... уже решена историей. Протестантские страны ушли вперед; оставшиеся позади хотят и должны им последовать. Если не удастся использовать законные пути, не исключено, что придется вступить на обходные, насильственные". И чуть ниже он замечает: "...долг всякого разумного человека — предупреждать худшее зло и способствовать проникновению в мир... истины наиболее умеренным путем..."⁵⁷.

Приговор истории относительно политического устройства Европы кажется Гердеру столь же несомненным. "Разве лицемерие и угнетение, любовь к роскоши и издевательства, пустое самомнение и несправедливость... судят менее нелепыми, менее вредоносными оттого, что связаны с недуховными лицами?"⁵⁸. Ответ Гердера ясен: "политическую организацию", утвердившуюся в Европе, надо усовершенствовать. "Почему мы должны при ярком дневном свете, потеряв здравый рассудок, закрывать глаза на то, что нас окружает, словно мы действительно живем во времена междоусобиц, гуннов и крестоносцев? Все, что есть в человечестве великого, доброго и благородного, направлено на то, чтобы эти эпохи не вернулись и не могли повториться; и мы обязаны верить, что дряхлый остов тех времен, заново приукрашенный и подрисованный, сохранится навечно? Лишь одно сословие есть в государстве, народ (не чернь), к нему принадлежит и король, и крестьянин, каждый на своем месте, в предназначенной ему области. Природа создает великих и благородных мужей, воспитание и предприимчивость окончательно формируют их; это и есть поставленные богом и государством руководители и вожди народа (аристократы). Всякое иное употребление или разделение этого точного названия является и навсегда останется бранной кличкой"⁵⁹. Термин "аристократы" ("люди народа", понимаемые как лидеры, защитники, помощники, но отнюдь не представители "низов", не "из народа") предостерегает нас от преувеличений гердеровского демократизма. Вероятно, Гердер вкладывал

в "народовластие" содержание, близкое античности. Понятие "республика" он употреблял, как и Кант, в смысле "общее дело" и противопоставлял ее не монархии, а деспотизму. В 121 письме о гуманности (10 собрание — 1797 г.) Гердер отмечал, что республиканская форма правления — не более, чем "фантом", решительно не пригодный для многих стран и отличающийся от других систем государственной власти лишь тем, что люди вводятся в заблуждение необычным образом — "именем свободы, просвещения и благоденствия народов"⁶⁰.

Если каждый чувствует, что его связи и отношения с окружающим миром не позволяют ему прийти на помощь "страждущему повсюду человечеству, — заявляет Гердер в 14 письме, — то эти отношения надо изменить..."⁶¹. И в том же письме находим рассуждения, напоминающие о "Тифоне и Авроре": "Я согласен с Вашими словами... о дряхлости сословий; но я также верю, что в великой поступи природы из старого получается нечто новое — если, конечно, в нем еще есть что-то пригодное... Тем осторожнее, следовательно, мы должны судить и действовать в нынешнем кризисе. И если сегодня мы не наблюдаем истинно благородного и прекрасного, то это лишь доказывает, что все еще впереди, а пока просто не подошло его время"⁶².

В 16 письме один из корреспондентов спрашивает своих друзей: "...откуда черпаете вы новые большие надежды на усовершенствование положения дел?... Действительно ли это французская революция, ни разу, правда, вами не названная, — этот устрашающий или, по меньшей мере, сомнительный в своих последствиях кошмар?"⁶³. И далее автор высказывает соображения, очень похожие на мысли Гердера в "Тифоне и Авроре" и в письме графине Ф.Л.Штальберг 8 ноября 1790 г.: "Что дала революция до сих пор Франции, пребывающей в ужасном беспорядке? Люди окончат свое существование на земле прежде, чем она завершится, и кто может утверждать, что новому поколению не уготована судьба, еще более жестокая, чем та, которой хотела избежать несчастная, угнетенная нация?"⁶⁴.

Гердер затрагивает и самую близкую ему тему: "Всякое

улучшение человеческого рода достигается лишь более совершенным воспитанием. Как можно рассчитывать, что это даст революция, упраздняющая все прежние воспитательные учреждения и не имеющая ни времени, ни возможности построить для народа лучшие; порождающая бесчеловечные сцены обмана и хитрости, впечатления от которых, быть может, вытравят всякий след гуманности из сознания людей на многие поколения? Как может, как будет воздействовать этот ложный дух свободы и, вероятно, возникающие из него кровавые войны на народы и правителей, но в первую очередь на науки и искусства - инструменты для распространения гуманности?"⁶⁵.

Эти мысли не придуманы за воображаемого оппонента сторонников революции, они принадлежат самому Гердеру, в чем убеждает сравнение с упомянутым письмом графине Ф.Л. Штольберг.

В 17 письме Гердер приводит характеристику революции, целиком направленную на извлечение важных для Германии уроков и итогов. Здесь слышится не безоглядная восторженность, а требование вдумчивого анализа события во имя обогащения политического опыта правителей. "Что до меня, - пишет Гердер, - я не стану отрицать, что среди всех заметных явлений нашей эпохи французская революция мне представляется, пожалуй, главнейшим. Она часто занимала мое внимание, даже беспокоила - больше, чем мне самому хотелось бы. Иногда я желал вовсе не переживать эти времена, чтобы не оставить в наследство своим близким их сомнительные результаты"⁶⁶. Гердер сравнивает революцию с крупнейшими общественными переворотами прошлого: "... с введения христианства и водворения в Европе варваров, насколько мне известно, не случилось ничего, что могло бы сравниться с этим событием по его значению и последствиям - за исключением возрождения наук и Реформации..."⁶⁷.

Отчего немцам не воспользоваться опытом революции, иронизирует Гердер, если они на протяжении почти ста лет во всем подражали французам, если "даже самый ничтожный князь стремился стать абсолютным монархом, подобным Людовику XIV?" "Почему же теперь они не хотят, по крайней мере,

прислушаться и присмотреться к этой просвещеннейшей и изысканнейшей нации в самом важном из начатых ею когда-либо дел? Конституция, над которой работает Национальное собрание - это одна из наиболее трудных, еще никогда не ставившихся проблем. Пусть те, кто пытается ее разрешить, не справятся со своей задачей или одержат победу - разве эта борьба, эта победа или даже поражение перед лицом архисложной проблемы человечества не достойны внимания..? И если само провидение поставило это зрелище перед нашими глазами, если оно, после долгой подготовки, дало ему свершиться в наше время, чтобы мы, наблюдая за ним, становились мудрее, кто же не захочет учиться и не возблагодарит бога за то, что оно происходит вне германских границ и мы причастны к нему лишь как к посетителю зрелища? Если только... какой-нибудь злой гений не свергнет нас нечестивым образом в гущу событий!"⁶⁸.

Последние слова вызваны не одними цензурными соображениями: Гердер не раз возражал против привнесения "партийного духа" в беседы переписывающихся друзей⁶⁹. Правовая сторона спора его не интересует, ибо неизвестны глубинные причины событий, "нельзя допросить и выслушать свидетелей", и "не все видно с судейского кресла". Историческое значение революции можно будет понять лишь по прошествии некоторого времени. Все, что остается для рассмотрения - принципы, на основе которых действует "самая многочисленная нация в Европе". "Здесь... в полный голос говорят о том, что раньше или вообще не обсуждалось, или было скромными политическими мечтаниями, философскими спекуляциями"⁷⁰. Попытка французом построить весь государственный механизм на разумных началах важна для всех народов Европы и "всего человеческого рода"⁷¹.

Через пять лет Гердер в "Письмах для поощрения гуманности" скажет: процветание одной нации нельзя передать другой, "розы для венка свободы надо вырастить своими руками". "Так называемая 'лучшая форма правления' - увы, пока не найденная, - не пригодна для всех народов сразу, в одном и том же виде; гнет иноземной, силой привнесенной свободы

лишь обременил бы народы..."⁷².

К первым попыткам религиозных преобразований во Франции, когда еще не наступило время "дехристианизации", а речь шла о приведении клира к общей гражданской присяге, Гердер отнесся с большой терпимостью: "мы, протестанты, не станем затевать крестовый поход в защиту поверженных алтарей, закрытых женских монастырей и нарушивших обеты священников. В противном случае папа и французское высшее духовенство подняли бы насмех наше желание мстить за то, что мы сами когда-то сделали и что по-прежнему сохраняется у нас"⁷³.

Гердер оптимистично оценивает и возможности литературного развития: культурное достояние Франции столь прочно, что "его не уничтожить за три или четыре года", оно пришло в движение во всех классах общества". "Среди великого бедствия, — пишет Гердер, — прежде всего была... создана для всей нации школа разума и красноречия; тот, кто может говорить — ораторствует, и его слушает вся Европа. Дети и юноши воспринимают это впечатление, а следующее поколение, несомненно, пойдет еще дальше, чем первое"⁷⁴. Такой ответ нашел Гердер для части своих колебаний.

В итоге рассмотрения "Писем, касающихся прогресса гуманности" следует отметить: и в скептических, и в восторженных — на первый взгляд — высказываниях автора встречаются мысли, ничуть не выпадающие из логики данного фрагмента, и все же отнюдь не сочувственные. 6 августа 1792 г., когда "Письма..." были уже готовы, философ-иррационалист, друг Г.Э.Лессинга Ф.Г.Якоби отмечал, что "мнение о революции у Гердера еще не сложилось", хотя они провели начало часов в спорах о ней, причем Якоби проявил большую умеренность⁷⁵. Главное для Гердера — уроки: "Только чистейшая теория может нам послужить, — говорил он в "Письмах...", — а ее нельзя выработать путем раздоров и проверить за два года"⁷⁶.

Гердер отказался от публикации первого варианта "Писем для поощрения гуманности", т.к. содержащиеся в нем призывы "обновить королевский трон Франции" стали неуместными после казни Людовика XVI. Кроме того, из-за цензурных

соображений он чрезмерно усложнил читателям поиски его собственного отношения к революции, оставив единственную путеводную нить — человеколюбие как мерило правомерности любого события. Среди участников политической борьбы во Франции Гердер не видел последовательных "союзников" и нашел другие способы для "поощрения гуманности" — беседы об истории мировой культуры, которые он вел в десяти изданных сборниках "Писем...".

Страстные антивоенные мотивы "Писем для поощрения гуманности" отразились и в корреспонденции Гердера. Его симпатии, безусловно, были поначалу на стороне Франции, манифесты герцога Брауншвейгского, угрожавшие парижанам неотвратимым возмездием за каждый волос на августейшей голове, лишь усилили, по мнению Гердера, сопротивление французам и ускорили падение монархии. Гердеру не нравилась сама идея вмешательства во французские дела, что стало причиной дальнейшего охлаждения веймарского двора к сохранившему независимое суждения пастору⁷⁷.

Летом 1792 г., отдыхая в Аахене, Гердер писал К.Л.Кнебелю о восстании 10 августа: "Я не могу Вам передать впечатление, которое все это на меня произвело. Здесь, здесь, в Аахене, ввиду французов, вблизи Рейна! Через несколько дней многое... станет ясно..."⁷⁸. А 3 сентября герцогиня Луиза отмечала, что "Гердер, кажется, в дурном расположении духа и особенно гневается на королей"⁷⁹. Еще семь дней спустя она писала Шарлотте фон Штейн: "Ваш пастор правильно делает, что молится за здоровье королевской семьи Франции. Гердер бы так не поступил"⁸⁰.

Позже Каролина Гердер рассказывала о последних месяцах 1792 г. в своих воспоминаниях: "Гердер открыто заявил, что он против ведущей войну коалиции и что французы имеют право избрать себе новую конституцию, в составление которой не должен вмешиваться никто другой. В этом мнении он был не одинок: многие благородные и великие люди надеялись, что права человека и народные полномочия в скором времени будут больше уважать. И он был не единственный, кто обманулся — естественно, его веру поколебали многочисленные

жестокости" ⁸¹.

Каролина, надо полагать, имеет ввиду так называемую "сентябрьскую резню" 1792 г. в Париже. Для большей части немецких наблюдателей это событие стало рубежом, после которого они уже не могли восхищаться, надеяться, безмолвствовать или просто терпимо относиться к революции. Пережив 1792 год, даже такие ее сторонники, как К.М.Виланд, утратили свой энтузиазм. Однако Гердер рассчитывал на благополучный исход французских начинаний и не терял веру в "новых франков". В ноябре 1792 г. он писал И.В.Л.Глейму: "Времена не позволяют молчать, ... они отверзают уста; нельзя предвидеть, чем все это кончится... Будем надеяться, что все совершается по воле промысла... буря и мрак сменятся утренним светом" ⁸².

Гердер сознательно воздерживался от скороспелых суждений. Иное дело Каролина: "Солнце свободы восходит, это ясно... В Германии мы пробудем еще некоторою время в потемках, но утренний ветер уже поднимается..." ⁸³. Гердер в небольшом добавлении к письму стремился сгладить то впечатление, которое могла произвести преждевременная пылкость жены, "вообще-то хорошей немки" ⁸⁴.

В переписке Гердера не удалось отыскать ничего, что бы говорило об изменении его взглядов на французскую революцию, нет решительных поворотов - от восторженной встречи до полного неприятия. Гердер приветствовал "восходящее солнце свободы" и радовался революции, положившей начало рассвету. Осторожные надежды, высказанные в "Письмах, касающихся прогресса гуманности", уцелели примерно до весны 1793 г.

Поскольку "полезна может быть только чистейшая теория" Гердер не рассчитывал на помощь из-за границы. Общественный переворот за Рейном был лишь дебютом, его же интересовал результат, который привел бы к "распространению гуманности". По отношению к первым революционным годам, видимо, правильно говорить об оптимистической оценке открывшихся возможностей для осуществления некоего гуманного идеала Гердера.

В 1793 г. Гердера по-прежнему беспокоило будущее фран-

цузской революции. Весной он уповал на скорое разрешение европейских задач и, не зная еще об измене Ш.Ф.Дюмурье 4 апреля, писал И.В.Л.Глейму: "Если австрийцы не сломают Дюмурье шею, я надеюсь, ему удастся в несколько недель сделать для несчастного французского королевства и европейского мира больше, чем сумели вражеские армии за годы, к тому же богопротивным, насильственным способом... Удачи ему в уничтожении лернейской гидры; да поможет ему бог вырвать из сердец власть предержавших (если у них есть сердца) отвратительный завоевательский и захватнический дух. Но, дорогой Глейм, хватит изливать желчь на бумагу, обмакнем наши перья в молоко и мед - не такая уж большая жертва во благополучие Европы!" ⁸⁵. Как видно, "желчное" настроение Глейма волновало Гердера. Но он не возражает по существу, лишь призывает сочинять "песни мира после этого отрезвляющего, страшного урока Европе" ⁸⁶.

Весенние месяцы были полны надеждами на скорый мир, которым не суждено исполниться, и все громче звучащими нотками отчаяния, что хорошо заметно в таком отрывке: "Как много, дорогой Клопшток, мы с Вами в эти годы передумали, сколько было надежд, как мы радовались или печалились известиям. Но вот мы там, где мы есть, а мир все же движется дальше. Этому не могут воспрепятствовать ни Робеспьер, ни Марат, ни Екатерина, ни ----- . Надежда дает силы терпеть, терпение рождает надежду" ⁸⁷.

Судя по приведенному фрагменту, Гердер относил и вождей якобинцев, и одного из организаторов антифранцузской коалиции к силам, стоящим в стороне от верного пути. Что же он понимал под этим? Некоторые соображения находим в письме графине Ф.Л.Штольберг: "Так же, как и повсюду, у нас теперь менее страстно спорят о происходящем. Мнения об общих вопросах почти едины. Суть же всего рассудит будущее. Немногие люди понимают дух времени и осмысливают события: иногда кажется, что говоришь со слепыми о красках. Небо наделит победителей, кто бы это ни был, великодушием, человеколюбием и снисходительностью; оно умерит ярость обеих армий и обеих сторон, перечеркнет планы всех завоевателей и даст каж-

дому народу возможность спокойного развития в известных ему самому пределах и целях. Да будет так, да пробудятся в свое время благородные люди, действительно великие сердца, которые с обеих сторон поставят преграду этому ужасу: настоящие спасители и гении человечества - их так не хватает в наши дни... Сколь... разнятся небесные и людские пути. А война породит третий, о чем, вероятно, сейчас не думает ни одна партия. Как же слабо и убого человечество, особенно, когда действует силой... Все схемы времен - пустое, переходящее; лишь внутреннее, сокровенное - может быть, дух - остается, творит и должен творить дальше"⁸⁸.

Некий "третий путь" напоминает гегелевскую "хитрость мирового разума", который опровергает индивидуальные и коллективные планы, предположения и предначертания и все устраивает согласно непостижимым для рассудка законам. По-видимому, весной 1793 г. Гердер считал французскую революцию окольной дорогой к осуществлению своего гуманного идеала.

5 апреля 1793 г. Каролина писала Ф.Х.Якоби в Пемпель-порт: "...Итак, я трижды отрещиваясь от разоблаченной фальшивой свободы французов... Кто сегодня будет интересоваться этими не знающими закона людьми! Слава богу, Ваша местность очищена от ...нации, не ведающей терпимости..."⁸⁹. Гердер добавляет: "Я не рад самому себе; но так и должно быть, и лишь по моей вине. *Perfer et obdura* - говорил я себе в юности, и вот приходится повторить уже в зрелом возрасте"⁹⁰.

12 июля 1793 г. Гердер призвал И.В.Гете по возможности успокоить герцога Карла-Августа, стремившегося доказать, что он не зря носит звание прусского генерала: "... Сейчас и так тепло, а вы задаете несчастному Жюлицу еще жару. Святой Вонифаций перевернется в могиле и назовет вас всех *Malefactori*. Вообще-то хорошо, что вы удалили чужеземцев из границ Священной империи, но не прогните империю безбожников, и пусть они друг друга передумают"⁹¹. Гердер не одобрял походов прусской армии с участием Карла-Августа, ибо "анархии во Франции они все равно не устроят"⁹².

Надежды оставляют Гердера. Поэтому он принимает пред-

ложение богатого Франкфуртского негодяя и начинающего поэта И.И.Гернинга отредактировать его стихотворение на смерть Марии-Антуанетты. Речь идет о таких строках:

"Франки! Итак, вы позор и порок по-прежнему
Влекут вас к безрассудной ярости?

Слышите ли глас Вами пролитой крови,
Священной крови короля,
Взвывающей к мести?

Одной жестокостью вы полните массу других?
И Антония уходит! О, убийцы, вы
Тысячу и тысячу раз убили ее.

И она умерла героиней, приняла смерть святой.
И этой смертью исчезнет бесчестье,
Исчезнут яростное глумление и черная клевета,
Которыми ее опорочил жестокий суд.

.....
Но придет иститель и судья, король короле! - бог"⁹³.
Гердеру и позже приходилось оказывать такие услуги"⁹⁴.

Обработка стихотворения показательна, этот факт не стоит расценивать как безделицу. Само наличие в Германии множества людей, осуждавших якобинский террор и потому отвернувшихся от революции - независимо от отношения Гердера к робеспьеристам - убеждает его в тщетности надежд на скорый "триумф философии".

В письмах Гердера есть еще одно упоминание Марии-Антуанетты, не оправдывающее действий якобинцев по отношению к ней, но и не берущее ее под защиту: "Смерть королевы была устрашающей. Но такая женщина не могла стать Музой/при каких обстоятельствах. ...Австрийская гордыня против французской жестокости - человечеству остается лишь тихо вздыхать... Эта война никому не добавит лавров"⁹⁵.

Мы не имеем достаточных оснований для определенного суждения о положительном или отрицательном отношении Гердера к французским (а также немецким) якобинцам. В середине марта 1793 г. он писал К.Г.Гейне (речь шла о манере повествования): "Вы мастерски излагаете Ваши мысли - осторожность

как в форме, так и в содержании. А вот добрейший Форстер оказался не таков. Вы не знаете, что с ним? И что будет дальше?.. Странные, опасные времена"⁹⁶. Гердер разделял некоторые мнения Форстера - их связывала давняя переписка о переводах древнеиндийских эпосов и другие научные интересы. Но это не помешало ему заметить в письме Г.А.Врайтенау, автору брошюры о королевстве готы: "Если бы только небо захотело, чтобы в наше время исчез революционный дух, как разрушилось это королевство"⁹⁷.

В 1794 г. Гердер мало говорит о войне и политических событиях. Со второй половины 1796 г. тема революции вновь появляется в переписке, но все чаще звучит мотив безысходности, от прежних надежд не осталось и следа⁹⁸. Примером служит послание супругов Гердер графине Э.А.А.Изенбург-Бюдинген, относящееся, правда, к сентябрю 1794 г.: "...мир, божественный мир, приди и сделай королей и их советников отцами для народов, преврати нелюдей в людей... Храни Вас небо! Да положит оно предел несчастной войне, которая никому не принесет добра! С первых дней своего возникновения, - пишет Гердер, - война часто наполняет меня - в предчувствии ее последствий - тяжелой и, увы, бесполезной тревогой"⁹⁹.

С 1794 г. Гердер разочаровывается, по собственному признанию, в "политическом хозяйстве" и обращается к науке.¹⁰⁰ "Как завидую я Вам, - пишет он К.Г.Гейне, - что Вы живете при университете. В наше время это счастливейшее место"¹⁰¹.

Большой интерес к возможностям демократизации политической атмосферы Швейцарии Гердер проявил в связи с деятельностью в Шаффхаузене своего давнего друга И.Г.Мюллера (брата И.Мюллера - основоположника швейцарской исторической науки). И здесь Гердер в конечном счете отдает предпочтение "ученым занятиям".

И.Г.Мюллер был против воли избран 16 мая 1796 г. вице-штатгальтером Шаффхаузена и собирался покинуть родину. Гердер убеждал его не оставлять новое поприще, т.к. именно в этой должности он сумеет осуществить реформы образования и сделать реальностью их старые педагогические проекты,

оно может выполнить обязанности гражданина и поддержать Отечество в трудное время начавшейся (в марте 1798 г.) войны с Францией. Судьба рейнских немцев была Гердеру хорошо известна, и осенью 1800 г. он пересылает Мюллеру приглашение графа Штольберга уехать в Германию¹⁰², хотя ему нелегко было передавать просьбу бывшего протестанта, недавно ставшего католиком и отличавшегося нетерпимостью в вопросах веры¹⁰³. И раньше Гердер осуждал с Мюллером возможный переезд, советуя забыть всякую мысль о том, что где бы то ни было жизнь окажется лучше, чем на родине.

В ожидании "новых событий", которые "наверняка не будут лучше тех, что прошли или проходят"¹⁰⁴, Гердер все больше разочаровывается в "освободительной миссии" французов: "Несчастливая Швейцария, варвары ничем тебе не помогут"¹⁰⁵. Расточая комплименты прусской королевской чете¹⁰⁶ и невесте откуда "явившемуся Бонапарту"¹⁰⁷, он еще мечтает о "божественном мире". Но уже 29 ноября 1799 г. Гердер советует Мюллеру заняться литературой: "...творчество остановилось, никто серьезно не читает..."¹⁰⁸. Наполеон, по мнению Гердера, мог сыграть важную роль "европейского исцелителя"¹⁰⁹, но "большие, большие надежды"¹¹⁰ вновь не оправдались. Высокая первоначальная оценка Наполеона показательна - Гердер полагал, что первый консул водворит в Европе долгожданный порядок и мир.

"Даже если под твоими окнами бьют в военные барабаны", писал он Мюллеру 8 августа 1800 г., надо оставаться и работать во благо родины¹¹¹, не помышляя о переезде. А в начале сентября Гердер сам предлагает избрать местом пребывания Киль. Почему? Там есть университет, "предпочтительнейшее из всех известных" ему учебных заведений, в котором "нет дальнейшего блеска больших университетов..., где преподаватель и слушатель близки друг другу, ... и 10 или 15 учеников милее 100 или 1500"¹¹².

В итоге Мюллер отклонил предложение графа Штольберга¹¹³ и собрался писать трактат под названием "Прошедшие столетия: основные принципы и характерные черты обычаев и монашеско-

ний". Гердер его поддержал¹¹⁴.

16 октября 1802 г., даже ввиду угрозы, что Наполеон добьется слияния Франции и Швейцарии, Гердер не может сказать, что делать Мюллеру, ибо не знаком с современной политической обстановкой, "как с переговорами на луне". Единственный совет – обратиться к Пруссии или России за поддержкой или не воевать: "Каждому ясно, что всякие мелкие мятежи и восстания ничему не помогают, лишь приносят много вреда"¹¹⁵.

Таким образом, Великая французская революция была для Гердера центральным событием европейской истории XVIII в., сравнимым с крупнейшими общественными переворотами прошлого. К ней он часто возвращался в своих сочинениях и переписке, проявляя постоянный, но к концу века понемногу убывающий интерес. Вероятно, и по отношению к первым революционным годам, и позже правильно говорить не о "приветствиях" или "восторженной встрече", а о больших надеждах в деле "распространения гуманности", с которыми пришлось расстаться в 1794–1803 гг.

10 октября 1796 г. Гердер сообщал Мюллеру, что "всегда питал антипатию к... нации, которая теперь так постыдно, позорно обманула, взбодорожила, перевернула вверх дном и опустошила весь мир; и эта ненависть – вопреки моему желанию – сильно во мне укоренилась..."¹¹⁶. Посылая Мюллеру "Метакритику Критики чистого разума" (главное антикантовское произведение Гердера), Каролина отмечала 29 апреля 1799 г. "Религия и долг повелевают моему мужу написать эту книгу – он не желает теперь ни видеть, ни слышать правых и левых, не хочет внимать реву чудовища – сегодня нужна живая вода, восстановление здравого рассудка, нашей... человеческой природы"¹¹⁷. И сам Гердер обращал внимание Мюллера на актуальность исторических изысканий: "...чем, если не историей, могут быть ослаблены или уничтожены мудрствования нашего времени, его предрассудки, пустопорожние, призрачные размышления и мечтания... Метакритики, Каллигоны и т.д. не справятся с софистами; противник скажет: ты можешь уствовать здесь, а я буду рассуждать там. Вообще,

118.

причина всякого ложного мудрствования лежит в неправильном истолковании или незнании фактов, в недостаточности исторических знаний"¹¹⁸.

5 декабря 1799 г. Гердер писал Ф.Т.Клопштоку: "Старые Ваши надежды не оправдались... Вы уязвлены этим как друг и защитник человечества; но... горько страдает каждый, кто надеялся. Все же надежда – последнее, что осталось в ящике Пандоры и что должно остаться у нас после всего, что еще случится. – Каков человек, так он и действует, большего он не может; это относится и к французам. С давних пор они были ферментом – пусть тягостны для народов. Им они и останутся... Крик петуха пронзителен, но он просуждает, хотя и неприятным образом"¹¹⁹.

Через три недели Гердер повторил ту же мысль о европейской роли французоз в письме И.В.Глеиму: "Я не уступаю Вам в ненависти и отвращении к несущему несчастья народу, однако он был и остается ферментом среди" наций¹²⁰.

В конце века Гердер писал И.В.Л.Глеиму: "Прошедшее столетие я не могу ни хвалить, ни зранить. На заре своей оно выглядело весьма скучным, потом стало неудержимым, многое обещало и мало выполнило. Наконец мы видим, чем оно завершается для нас, немцев. Проклятие тем, кто делает финал века таким, каков он есть. И все же Немезида – у них за спиной, перед лицом, в сердце и уж не знаю, где еще"¹²¹.

В предназначенных для печати материалах Гердер был сдержаннее: "...уходящее столетие было одним из самых важных в человеческой истории", хотя "ряд стремительных событий" многое перелутал и ослепил¹²². Несмотря на несбывшиеся надежды на свободу и равенство, "вопреки всем жестокостям, связанным с революцией, она была не напрасной! ее достижения необратимы, ибо произошли "огромные спавшие ранее силы"¹²³.

Великая французская революция представлялась Гердеру важнейшим событием современности, вызвавшим не всегда благоприятные для Германии последствия. можно утверждать, что он не желал похожего и ти для своей страны. Оттолкнули его от революции не только "многочисленные жестокости" 1793–

119.

1794 гг. И раньше Гердер очень настороженно относился к деятельности французских революционеров. То, что создавалось в первые революционные годы, не соответствовало его мыслям об идеальном государственном устройстве (надо отметить, что ни одна из существовавших тогда форм правления не подходила под его "гуманный идеал"). И все же "революция не прошла даром" - прозудились "огромные спавшие ранее силы", в активную политическую жизнь вовлечены новые слои населения; вопросы, прямо поставленные и так или иначе решенные во Франции, оказались в повестке дня и для других народов. Они волевы принять или отвергнуть французский опыт, но не учитывать его уже нельзя. Едва ли не главный вывод из этого опыта - "розы для венка свободы надо вырастить своими руками", из национальных корней, в едином германском государстве, основанном на принципах века Разума.

Примечания

- 1 Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения / Пер. с нем. М. 1868. Т.2. С.494-496.
- 2 Kühnemann E. Herder. München, 1895. S.524 f.
- 3 Wiese B. von Herder: Grundzüge seines Weltbildes. Leipzig, 1939. S.91.
- 4 Gooch G.P. Germany and the French Revolution. L., 1920. P.160-173.
- 5 Clark R.T. Herder: His life and Thought. Berkeley; Los Angeles, 1955. P.367.
- 6 См., например: Stern A. Der Einfluss der französischen Revolution auf das deutsche Geistesleben. Stuttgart; Berlin, 1928. S.119-128; Boucher M. La révolution de 1789 vue par les écrivains allemandes ses contemporains. P., 1954. P.73-94.
- 7 Гулыга А.В. О роли Гердера в формировании передовой немецкой идеологии // Из истории Германии нового и новейшего времени. М., 1958. С.20.
- 8 Мирмуцкий В.М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.Г. Избранные сочинения. М; Л., 1959. С.50.
- 9 Barnard F.M. Zwischen Aufklärung und politischer Roman-

- tik / Übers.aus dem Engl. B., 1964. S.105, 185.
- 10 Stolpe H. Humanität, Französische Revolution und Fortschritte der Geschichte // Weimarer Beiträge. B., 1964. Hft.2. S.199-218; Hft.4. S.545-574; Idem. Nationale und internationale Aspekte der Klassenaueinandersetzung in Herders "Briefen zu Beförderung der Humanität" // J.G. Herder: Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa. B., 1978. S.66-78.
  - 11 Arnold G. Wandlungen von Herders Revolutionsbegriff // Herder-Kolloquium 1978. Weimar, 1980. S.164-173; Idem. Die Widerspiegelung der Französischen Revolution in Herders Korrespondenz // Impulse. Folge 3. Berlin; Weimar, 1981. S.41-89.
  - 12 Arnold G. Wandlungen... S.165-167.
  - 13 Herder J.G. Briefe zu Beförderung der Humanität. Berlin; Weimar, 1971. Bd.1,2.
  - 14 Herder J.G. Briefe/ Gesamtausgabe. Weimar, 1977-1984. Bd. 1-8. (Далее - Briefe...).
  - 15 Scheel H. Herders Stellung zur politischen Grundfrage seiner Zeit // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Gesellschaftswissenschaften. B., 1978. N.80. S.21.
  - 16 Scheel H. Herder und die Geschichte // Herder-Kolloquium 1978. Weimar, 1980. S.41.
  - 17 Ibid. S.42.
  - 18 Herders Werke. Nach den besten Quellen revidierte Ausgabe /Hrsq. von H.Düntzer. Berlin, o.J. 15 Teil.S. 199 Anm.
  - 19 Именно Ф.Гентц в 1792 г. перевел на немецкий язык "Размышления о французской революции" Э.Берна.
  - 20 Brief an Chr.Garve, 5 Dez.1790 // Die französische Revolution im Spiegel der deutschen Literatur. Leipzig,1976. S.861.
  - 21 Arnold G. Die Widerspiegelung... S.42-43.
  - 22 Herder J.G. Werke. In 5 Bdn. Berlin; Weimar, 1982. Bd.1. S.48.
  - 23 Düntzer H. Charlotta von Stein: Goethes Freundin: Ein Lebensbild. Stuttgart, 1874. PC.2. S.324.

- 24 Briefe. Bd.6. S.275.
 25 Herder J.G. Sämtliche Werke / Hrag.von B.Suphan. Bd.3 S.228. (Далее - SWS...).
- 26 Düntzer H. Charlotte von Stein. Bd.2. S.341.
 27 Briefe. Bd.6. S.216.
 28 Цит.по: Arnold G. Die Widerspiegelung... S.45. (Писмо мо отсуствуе в издании писем Гердера 1977-1984 гг.).
 29 Herders Werke / Hrag. von H.Düntzer. 15 Theil. S.202-203.
 30 Ibid. S.206.
 31 Ibid.
 32 Ibid.
 33 Ibid.S.207.
 34 Ibid.
 35 Ibid.
 36 Ibid. S.207-208.
 37 Ibid. S.208.
 38 Ibid. S.210.
 39 Ibid. S.214.
 40 Ibid.
 41 Ibid. S.216.
 42 SWS. Bd.13. S.353.
 43 SWS. Bd.5. S.532.
 44 Otto R. Einleitung // Herder J.G. Werke. In 5 Bdn. Bd. 1. S.LIII.
 45 Ibid.
 46 Arnold G. Wandlungen... S.167.
 47 Briefe. Bd.6. S.264.
 48 Briefe. Bd.7. S.57.
 49 An J.W.L.Gleim, 12 Mai 1793 // Briefe, Bd.1, S.39; an F.G.Klopstock. 12 Mai 1793 // Briefe. Bd.7. S.42.
 50 Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т.2. С.507.
 51 SWS.Bd.18. S.305.
 52 An C.G.Heyne, 7 Aug. 1793 // Briefe. Bd.7. S.57.
 53 Stolpe H. Herders Ideen zur Vervollkommung der Humanität und sein Verhältnis zur Französischen Revolution

- // Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2. S.632, 652.
 54 Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2, S.318.
 55 Ibid. S.319.
 56 Ibid.
 57 Ibid. S.320.
 58 Ibid. S.321.
 59 Ibid. S.321-322.
 60 Herder J.G. Werke. In 5 Bdn. Bd.5. S.193.
 61 Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2. S.330.
 62 Ibid. S.331.
 63 Ibid. S.332.
 64 Ibid.
 65 Ibid. S.334.
 66 Ibid.
 67 Ibid. S.335.
 68 Ibid. S.336.
 69 Ibid. S.334, 338.
 70 Ibid. S.335.
 71 Ibid.
 72 Herder J.G. Werke. In 5 Bdn. Bd.5. S.193.
 73 Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2. S.340.
 74 Ibid.
 75 Brief an die Doktorin Reimarus // Die französische Revolution im Spiegel... S.357.
 76 Herder J.G. Briefe zu Beförderung... Bd.2. S.340.
 77 Cp.: Arnold G. Die Widerspiegelung... S.47-48.
 78 Briefe. Bd.6. S.167.
 79 Цит.по: Stern A. Op.cit. S.121.
 80 Ibid.
 81 Цит.по: Arnold G. Die Widerspiegelung... S.48.
 82 12. Nov.1792 // Briefe. Bd.6. S.292.
 83 An F.H.Jacobi, 11.Nov.1792 // Briefe, Bd.6. S.290.
 84 Ibid.S.291.
 85 12. Apr.1793 // Briefe. Bd.7. S.35.
 86 Ibid.
 87 An F.G.Klopstock, 12.Mai 1793 // Briefe.Bd.7. S.42. Cp.1 an F.L.Gräfin zu Stolberg, 30.März 1793 // Briefe. Bd.

7. S.31; an J.W.L.Gleim, vor dem 3.Mai 1793 // Ibid. S. 39; an J.W.L.Gleim, 12.Mai 1793 // Ibid. S.40.
- 88 30.März 1793 // Briefe. Bd.7. S.31.
- 89 Briefe. Bd.7. S.32.
- 90 Ibid. S.33 ("Perfer et obdura" - "Переноси и будь тверд")
- 91 Briefe. Bd.7. S.50. ("Malefaciis" - "творющие зло, злонамеренные").
- 92 An F.H.Jacobi, 5.Aug. 1793 // Briefe. Bd.7. S.55.
- 93 Ende 1793 // Briefe. Bd.7. S.79.
- 94 An J.I.Gerning, Anfang März 1801 // Briefe. Bd.8. S.204-211.
- 95 Briefe. Bd.7. S.76.
- 96 Briefe. Bd.7. S.30.
- 97 29 Nov.1793 // Briefe. Bd.7. S.69.
- 98 См.; An J.G.Müller, 3.Juli 1795 // Briefe. Bd.7. S.173; an J.W.L. Gleim, 28.Sept.1795 // Ibid. S.187; an E.Gore, 11.Okt.1795 // Ibid. S.191; an K.L.von Knebel, 30.Nov. 1795 // Ibid. S.201-202.
- 99 Briefe. Bd.7. S.125.
- 100 23.März 1795 // Briefe, Bd.7. S.148.
- 101 Ibid.
- 102 An J.G.Müller, Ende Okt.1800 // Briefe. Bd.8. S.175.
- 103 Ibid.
- 104 An J.Macdonald, 26.Mai 1799 // Briefe. Bd.8. S.59.
- 105 An J.F.Hartknoch-jun., 7.Okt.1799 // Briefe. Bd.8. S.89.
- 106 An J.W.L.Gleim, 19.Juli 1799 // Briefe. Bd.8. S.71.
- 107 An K.L.von Knebel, 1.Nov.1799 // Briefe. Bd.8. S.97.
- 108 Briefe. Bd.8. S.103.
- 109 An J.W.L.Gleim, 27.Dez.1799 // Briefe. Bd.8. S.111.
- 110 Briefe. Bd.8. S.105.
- 111 Briefe. Bd.8. S.153.
- 112 An J.G.Müller, Anfang Sept.1800 // Briefe. Bd.8. S.161.
- 113 An Chr.Graf zu Stolberg-Stolberg, 21.Nov.1800 // Briefe. Bd.8. S.180-181.
- 114 Caroline an J.G.Müller, 21, und 22,Febr.1802 // Briefe. Bd.8. S.278-280.
- 115 An J.G.Müller // Briefe.Bd.8. S.314.
- 116 Briefe. Bd.8. S.275.

117 Briefe. Bd.7. S.55.

118 An J.G.Müller, Anfang Sept. 1800 // Briefe. Bd.8. S. 162. ("Каллигона" - сочинение Гердера, направленное против "Критики способности суждения" Канта).

119 Briefe. Bd.8. S.179.

120 27.Dez. 1799 // Briefe. Bd.8. S.111.

121 22.Dez. 1800 // Briefe. Bd.8. S.183-184.

122 Herder J.G. *Sämmtliche Werke: Zur schönen Literatur und Kunst*. Tübingen, 1809. 12. Theil. S.590.

123 SWS. Bd.23. S.14.

Некоторые тематически связанные материалы

Е.Волгина. Идеологическая борьба в немецкой публицистике периода Великой французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70628293.htm>

В.Марков. Бабеф и современная ему Германия
http://vive-liberta.narod.ru/journal/babeuf_markow_fe-60.p

В.Перцев. Очерк истории Германии XVIII века
<http://enlightment2005.narod.ru/private/Allem/alleman1.pdf>